

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 8

Москва
2008

Содержание

ТЕОРИЯ МОРАЛИ

<i>Л.В. Максимов</i> Когнитивный статус этики	3
<i>В.И. Бахитановский, Ю.В. Согмонов</i> Моральный феномен: от элементарного нравственного порядка к сложной нормативно-ценностной системе	21

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>О.В. Артемьева</i> Практическая добродетель в этике Ричарда Прайса	42
<i>М.Л. Ключова</i> Антропологическое учение Л.Н.Толстого: теоретические основания и практический смысл	65
<i>Т.А. Кузьмина</i> Экзистенциальная этика Н.А.Бердяева	87

НОРМАТИВНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА

<i>О.П. Зубец</i> Дискуссия о даре: о возможности аристократического в морали	128
<i>А.В. Смирнов</i> «Благо» и «зло» в исламской традиции и философии (к постановке вопроса). Избранные тексты	154
<i>Р.Г. Апресян</i> О появлении понятия «золотое правило»	194
<i>З. Шаварский</i> Право на благодарность	213
<i>А.В. Прокофьев</i> Справедливое отношение к будущим поколениям (нормативные основания и практические стратегии)	229

ОБЗОРЫ

<i>М.А. Корзо</i> Обзор книги М.В.Корогодиной «Исповедь в России в XIV–XIX вв. Исследования и тексты»	254
---	-----

Р.Г. Апресян

О появлении понятия «золотое правило»

В предлагаемом очерке рассматривается процесс оформления этического понятия «золотое правило». В классической форме это правило выражено в Нагорной проповеди: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7, 12)¹. Речь в нем не идет об историческом происхождении самого правила или о возникновении словосочетания «золотое правило», которое и в давние времена, и в наши использовалось и может использоваться в разных неспециальных значениях.

¹ Э.Ю.Соловьев в недавно вышедшем фундаментальном труде замечает о золотом правиле: «Классической транскрипцией этого правила считаются слова древнееврейского проповедника Гиллеля» (Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005. С. 83). Сам по себе факт локуции золотого правила, причем в качестве безусловно приоритетного, в талмудическом иудаизме на рубеже эпох исторически чрезвычайно важен. Формула золотого правила была известна и прежде; она не раз высказывалась в ряду различных житейских наставлений и нравочучений Эпиктетом, Сенекой, в «Книге Товита» (200–170 гг. до н.э.), «Книге Ахикаре» (V в. до н.э.). Высказывания в духе золотого правила встречаются в древнейших памятниках Египта и Месопотамии. Почти в качестве главенствующей нормативная идея золотого правила провозглашается Аристотелем, Платоном и Ксенофонтом по отношению к дружбе. Но в этом культурном ареале лишь Гиллель (конец I в. до н.э. — начало I в. н.э.) высказывает золотое правило в ответ на вопрос прозелита о сути Торы. Однако в другом культурном ареале словами золотого правила отвечал на вопрос ученика о главном правиле Конфуций, и это было за пять веков до

В литературе, касающейся золотого правила, иногда встречаются осторожные предположения относительно того, что это понятие как понятие нравственное, в качестве обозначения максимы, выраженной в вышеприведенном евангельском стихе, или ее негативной версии, возникает в эпоху Возрождения. Однако широкое систематическое исследование золотого правила на материале истории мысли, проведенное профессором Кентского университета Дж. Уотлзом и отраженное в книге «Золотое правило»², позволило определенно установить время, ареал и формы утверждения этого понятия. Это — английская религиозная проповедническая литература последней трети XVII в.

I

К этому времени сама *идея* золотого правила благодаря Новому Завету и развитию новозаветной этики в философии и богословии была хорошо известна. Как указывал А.А. Гусейнов: «С Августина начинается традиция рассмотрения золотого правила как основополагающего принципа естественного права и нравственности»³. Августин, действительно, был первым, кто сделал золотое правило предметом специальной философской-богословской рефлексии. Золотое правило для Августина —

Гиллеля. Что же считать нам критерием классичности в выражении золотого правила? Речь идет о золотом правиле морали, и в определении той или иной формулировки в качестве классической следует отталкиваться от существа самой морали, разумеется, устанавливаемого на основе современных представлений о ней. В Новом Завете золотое правило как таковое высказывается трижды (помимо приведенного места, еще в Лк. 6, 31 и Деян. 15, 29), если не принимать во внимание несколько стихов, воплощающих в себе дух золотого правила. В Деяниях золотое правило высказывается в усеченной и негативной форме, к тому же не специально, как бы между прочим. У Луки золотое правило приводится так же в главной проповеди Иисуса, оно дается в позитивной форме, однако без универсализирующей квантификации. На мой взгляд, именно формулу золотого правила, данную у Матфея, следует считать классической, поскольку золотое правило предлагается здесь, во-первых, в позитивной и, во-вторых, буквально универсальной форме.

² Wattle J. The Golden Rule. Oxford—N. Y., 1996.

³ Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. М., 1974. С. 71.

повод для разного рода замечаний и комментариев, нравственно-практических, этических, сотериологических. Он стремится к внутренне-семантическому прояснению золотого правила, удерживает от его заниженных вульгарных интерпретаций, прибегает к нему как поводу для собственно нравственных наставлений. Важнейшим шагом в осмыслении Августином золотого правила стала его трактовка как закона природы, изначально запечатленного в сердце человека, и понимание того, что сознание золотого правила есть сознание *справедливости*.

Золотое правило было предметом внимания многих средневековых мыслителей, от Лактанция до Петра Абеляра, и обсуждение шло в рамках, заданных Августином: золотое правило следует разуметь в свете христианской доктрины любви, и, следовательно, поступать по отношению к другому допустимо лишь по-доброму⁴. Августиновская традиция была продолжена и Фомой Аквинским, который соединил ее с воспринятым им аристотелизмом. Возможно, в понимании нормативного содержания золотого правила тем самым прибавлялось немного, ведь аристотелевская идея дружбы-филии в полной мере была снята в христианской идее милосердной любви; однако этот синтез позволял обогатить понимание золотого правила и его места в христианской этике. Фома специфицировал золотое правило в качестве правила, посредством которого практически воплощается заповедь любви к ближнему. Среди аристотелевских характеристик дружбы одна из основных состояла в том, что «к другу относятся, как к самому себе»⁵. Ссылаясь на это место «Этики», Фома представил ее на языке золотого правила, хотя и не по формуле золотого правила: «Мы дружим с

⁴ Насколько я могу судить, наиболее подробно в имеющейся литературе эта тема была раскрыта в книге: *Reiner H. Die philosophische Ethik. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1964.* Что же касается аргумента, что золотое правило предполагает именно добрые деяния, то он представляет собой шаг назад по сравнению с разъяснениями Августина, специально приводившего философские, а не богословские аргументы относительно того, что желать человек может только доброго для себя (См.: *Августин. О Граде Божием. XIV, VIII // Августин Блаженный. Творения. Т. IV / Сост. и подгот. текста к печати С.И.Еремеева. СПб.–Киев, 1998. С. 16–17).*

⁵ *Аристотель. Никомахова этика, 1166a32 // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 250.*

другими потому, что поступаем по отношению к другим так, как поступаем по отношению к себе»⁶. В целом надо сказать, что при том, что формула золотого правила активно осваивалась в обсуждении естественного закона, предназначения человека и его взаимоотношений с другими людьми, — только в сопоставлении и отождествлении с заповедью любви обнаруживалась приоритетность золотого правила и его исключительность как нравственного правила.

Характер обсуждения золотого правила меняется у Лютера, который, по-видимому, одним из первых придал значение различиям в негативной и позитивной формулировках золотого правила, специально указывая на особый этический смысл позитивной формулировки: если золотое правило в негативной формулировке устанавливает необходимость воздержания от зла, то в позитивной — настаивает на необходимости совершения добра. Золотое правило есть выражение естественного закона, но для практического воплощения человеку необходимо преодолеть себялюбие и обратиться к нуждам другого человека. Золотое правило — закон, но вместе с тем и преодоление закона, так что только истинный в вере человек может действительно воплотить золотое правило в отношениях с другими людьми. По Лютеру, ветхозаветный человек склоняется к золотому правилу по принуждению и в минимальной степени, в то время как истинный христианин исполняет золотое правило добровольно и со всем сердцем своим. Как показал Й.Лаулайя, в поздних работах Лютера золотое правило как формула взаимности становится ключевой нормативной идеей для анализа социальных, экономических и политических проблем, рассматриваемых во многом в контексте коммунальной (общинной) жизни⁷. Таким образом, в более широком философском и богословском контексте, становясь основополагающим концептом для понимания нравственности, золотое правило приобретает тот исключительный статус, который и был позднее выражен в его названии.

⁶ The Summa Theologica of St. Thomas Aquinas, II, II, Q25,4 // New Advent, url=<http://www.newadvent.org/summa/3025.htm#4> (просмотр. 21.06.2005).

⁷ *Laulaja J.* Kultaisen Saannon Etiikka. Helsinki, 1981 (Цит. по: *Wattles J.* Op. cit. P. 75).

На фоне сказанного вполне ожидаемой оказывается трактовка Т. Гоббсом золотого правила как естественного закона. Говоря о естественных законах, Гоббс формулирует в качестве первого следующее: «Всякий человек должен добиваться мира, если у него есть надежда достигнуть его»⁸. Разум изначально содержит это общее правило. Такой надежды может не быть, и тогда опять своим голосом говорит природа: защищай себя, как можешь. Таково установление естественного права. Из первого закона вытекает второй: «В случае согласия на то других человек должен согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе»⁹. Второй закон оказывается ограничением индивидуального права. Гоббс прямо говорит об этом: второй закон лишает человека свободы, ставя возможность исполнения права одним человеком в зависимость от исполнения права другим. Человек либо отступает от своего права, либо отказывается от него в пользу другого. Отметим, что третий естественный закон устанавливает справедливость, согласно которой заключенные соглашения следует выполнять, а следующие шестнадцать утверждают благодарность, любезность, прощение обид, благоразумие в возмездии, беспристрастие, а также запрещают оскорбление, гордыню и надменность и устанавливают принципы, обычно относящиеся к сфере гражданского права (о равенстве в использовании неделимых вещей, о жребии, первородстве, посредниках, подчинении арбитражу, суде).

Сформулировав второй естественный закон, Гоббс добавляет: «Именно таков закон Евангелия: поступай по отношению к другим так, как ты желал бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе. И это закон всех людей: *quod tibi fieri non vis, alteri feceris* [“заслуга (вознаграждение) по договору и заслуга в силу достоинства”]»¹⁰, передавая, таким образом, его смысл словами золотого правила. А далее этой же формулой он вы-

⁸ Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. / Сост., ред., примеч. В. В. Соколова. Т. 2. М., 1991. С. 99.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

ражает суть всех естественных законов¹¹. Гоббс указывает, что эта формула может быть значимой и для некоторых решений в условиях естественного состояния: хотя в этом состоянии каждый стремится нанести другому вред, скромный человек, в отличие от заносчивого, понимая, что все от природы равны, и каждый в равной мере может стремиться ко всему, «считает позволительным для остальных все, что он считает позволительным самому себе»¹². Но это лишь возможная тактика поведения в естественном состоянии. Далее, в естественном состоянии при том, что каждый «...и при всяком проявлении презрения или пренебрежения, естественно, пытается, поскольку у него хватает смелости... вынудить у своих хулителей большее уважение к себе: у одних наказанием, у других — примером», — «каждый человек добивается, чтобы его товарищ ценил его так, как он себя ценит...»¹³. Собственно, здесь от золотого правила остается только форма: «как он сам». Но это — формула инициативного действия, формула равенства, формула универсальности.

Естественные законы исключительным образом обобщаются в формуле золотого правила. Хотя естественные законы вечны и их легко соблюдать, в действительности они даны как ограничение природным желанием и страстям человека. По существу, естественными законами утверждаются правильные, необходимые желания. Как отметил М.Оукшот, антитезой природных и правильных желаний задается у Гоббса пространство этики¹⁴. У Гоббса неоднократно указания на то, что естественный закон и есть закон моральный, что именно естественные законы являются предметом моральной философии. Развивая традицию различения Закона Моисея и Заповеди Христа, Гоббс указывал, что Моисей установил закон, который можно назвать законом справедливости, и он объемлет все прочие законы. Этот

¹¹ Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. / Сост., ред., примеч. В.В.Соколова. Т. 2. М., 1991. С. 122.

¹² Гоббс Т. Основ философии часть вторая. О гражданине // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 288.

¹³ Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Указ. изд. С. 95.

¹⁴ Оукшот М. Моральная жизнь в сочинениях Томаса Гоббса // Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи / Пер с англ. Е.Косиловой. М., 2002. С. 166.

закон предписывает каждому признавать те же права, которые он хочет для самого себя. В рамках Гоббсовой концепции развития общества Декалог соответствует преодолению естественного состояния, он и представляет собой заключенный общественный договор. Заповедь же любви, по Гоббсу, носит не ограничивающий, а раскрепощающий характер, она требует от человека позволять другому «все то, что мы сами хотим, чтобы было позволено нам самим»¹⁵. Таким образом, заповедь любви высказывается Гоббсом словами золотого правила. Впрочем, в целом для Гоббса отличие золотого правила и заповеди любви остается не актуально. Он не только легко излагает заповедь любви словами золотого правила, но и рассматривает заповедь любви как стандарт именно социальных отношений, трактует милосердие как справедливость и золотое правило и, наоборот, справедливость – это то, о чем говорится в Лв. 19, 18 и Мф. 22, 36–40, т.е. тех местах Библии, где, строго говоря, речь идет именно о заповеди любви. Иначе и не могло быть у Гоббса, для которого принцип «Никто не должен делать другому того, что он считал бы несправедливым, если бы другой сделал это по отношению к нему», является высшим заветом Бога¹⁶.

Таким образом, к последней трети XVII в. складывается достаточно теоретических предпосылок для осмысления высказанного в Мф. 7, 12 правила как золотого. К этому времени сложились устойчивые традиции: а) трактовки его как закона природы, б) тесной ассоциации, а то и отождествления, с заповедью любви (Мф. 22, 39), в) понимания того, что им легко охватывается вся сфера морального или хотя бы той ее части, которая касается человеческих отношений.

II

Выражение «золотое правило» во внеморальном значении появилось задолго до XVII в. Согласно Оксфордскому словарю английского языка, наиболее раннее упоминание выраже-

¹⁵ Гоббс Т. О гражданине // Гоббс Т. Указ. изд. С. 324.

¹⁶ Гоббс Т. Основ философии часть вторая. О человеке // Гоббс Т. Указ. изд. Т. 1. С. 261.

ния «золотое правило» («golden rule») относится к XIV в., и привязано к плотницкой линейке. И в других значениях слова «rule», «ruler» входят в английский примерно в это же время. Вместе с тем Оксфордский словарь фиксирует и близкие к выражению «золотое правило» словосочетания, применявшиеся для обозначения стиха Мф. 7, 12 или в связи с ним: «золотой закон» («Golden Law», 1674) и «золотой принцип морали» («golden principle of morality», 1741)¹⁷. Последнее выражение — часть более широкого высказывания: «Таков золотой принцип морали, который дал нам благословенный Господь», — из книги популярного английского проповедника, поэта и педагога Исаака Уоттса (1674—1748) «Усовершенствование ума»¹⁸, предназначенной для юношества¹⁹. Пример Уоттса примечателен, поскольку его приводит Оксфордский словарь, однако Уоттс воспользовался оригинальным обозначением для правила, которое за несколько десятилетий до этого уже получило устойчивое наименование, и это наименование было именно: «золотое правило».

Так или иначе понимаемая формула золотого правила становится предметом специального внимания ряда английских богословов и обретает в их произведениях это свое название. Как мы узнаем из книги Уоттса, речь идет о епископе Уильяме (Bishop William), авторе книги «Всеобъемлющее правило праведности: Поступай, как поступали бы по отношению к тебе» («The Comprehensive Rule of Righteousness, Do as You Would Be Done By», 1679), Бенжамине Кэмфильде (Benjamin Camfield, 1638—1693),

¹⁷ Golden, OED [Oxford English Dictionary] definition, url= <http://virtual.park.uga.edu/wblake/SONGS/36/Apr99copyof36/36st5goldanno.html> (просмотр. 24.12.2006).

¹⁸ *Watts I.* The Improvement of the Mind, or A Supplement to the Art of Logic: Containing a Variety of Remarks and Rules for the Attainment of Useful Knowledge in Religion, in the Sciences, and in Common Life. L., 1741 (многочратно переиздавалось, последние издания: 1999, 2004).

¹⁹ Спустя полтора столетия детские стихи Уоттса уже были поводом для иронических пародий Л. Кэрролла, что свидетельствует о степени их изрядной популярности. См. об этом: *Галинская И.Л.* Льюис Кэрролл и загадки его текстов. М., 1995, url= <http://knigki.ru/demo/book/6174/4.html> (просмотр. 30.12.2006); *Тикина А.* Пародии «Алисы» в зеркале разных переводов // Архивы Минас-Тирита, url= <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/inoe/alis.shtml> (просмотр. 30.12.2006).

авторе брошюры «Полезное рассмотрение всеобъемлющего правила праведности: Поступай, как поступали бы по отношению к тебе... Ставшей предметом рассуждения на Св. Мф. 7:12» («A Profitable Enquiry into That Comprehensive Rule of Righteousness Do as You Would Be Done By... Being a Practical Discourse on S. Matt. vii 12», 1679), написанной, по всей видимости, как отклик на книгу Уильяма, Джордже Борастоне (George Boraston 1634–?), авторе проповеди «Королевский закон, или Золотое правило справедливости и милосердия» («The Royal Law, or the Golden Rule of Justice and Charity», 1683) и Джоне Гудмане (John Goodman, 1626?–1690), авторе небольшой книги «Золотое правило, или Объяснение королевского закона справедливости» («The Golden Rule; or, The Royal Law of Equity Explained», 1688)²⁰.

Уотлз отмечает, что ни один из английских проповедников не взялся объяснить, почему важнейшее правило поведения следует называть золотым. Однако из упоминавшейся выше статьи Оксфордского словаря видно, что эпитет «золотой» использовался для обозначения лучшего, важнейшего, исключительного, первейшего, обладающего высшей ценностью. Характерно, что у Борастона выражение «золотое правило» оказывается сочетаемым с выражением «королевский закон», и, тем самым, золотое правило воспринимается как то, что венчает начала морали.

Как и в предшествующей традиции, в работах названных богословов, золотое правило, в общем, отождествляется с заповедью любви к ближнему. Такой подход облегчает, тем более для богослова, обоснование исключительного статуса золотого пра-

²⁰ Сведения относительно этих авторов пока довольно скудны. Лишь о Кэмфильде удалось найти краткую биографическую справку, сообщающую о его карьере священника, на The Clergy 1568 to 1686, url= <http://www.stmarysnottingham.org/c141-50.html#Camfield1690> (просмотр. 08.03.2007), а также список его произведений, доступных по системе Find a Library/World Cat, url=http://www.worldcatlibraries.org/search?q=au%3AВenjamin+Camfield&qt=hot_author (просмотр. 08.03.2007). Что же касается епископа Уильяма, то если бы не было книги, на которую пространно ссылается Уотлз, можно было бы счесть эту фигуру мистификацией. Известны даже даты его жизни; нигде нет следов и его книги.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою благодарность Маргарите Зерновой (Margarita Zernova), преподавателю криминалистики Университета Халла (Великобритания) за помощь в поиске информации об этих авторах и обеспечением меня из разных источников книг XVIII в.

вила. Аргументы, правда, касающиеся заповеди любви, уже были сформулированы ап. Павлом: это закон, объемлющий все остальные законы и потому возвышающийся над ними. Об этом, не ссылаясь на апостола, прямо говорит епископ Уильям.

Кругозор епископа Уильяма обширен: помимо Библии и христианских авторитетов он опирается на греческих и римских авторов. То, что это правило встречается у классических авторов, подтверждает, по Уильяму, что «это правило благословенного Спасителя является очевидным ответвлением закона природы», и каждый может прочесть его в своем сердце и совести, если она по-прежнему чиста²¹. Одну из нормативных предпосылок золотого правила Уильям находит у софистов, логически соединяя его со знаменитым принципом Протагора: «Человек есть мера всех вещей», воспринятым Платоном. Бог, говорит Уильям, сделал человека «мерой своих собственных действий в отношении других и положил ему исходить из собственного стандарта как основания своей обязанности»²².

Вместе с тем Уильям пространно показывает, насколько золотое правило вписано в Нагорную проповедь и в христианское учение, и слово «Итак», с которого начинается стих Мф. 7, 12 как раз и указывает, чего же надо желать по отношению к себе и как поступать по отношению к другим. Золотое правило наставляет нас давать нашим ближним так же, как в своих молитвах мы просим Бога о милостях в отношении себя²³. Поступать по отношению к ближнему надо не только так, как мы желали бы, чтобы он поступал по отношению к нам, но как Иисус и Господь поступают по отношению к нам. «Божественный пример» дан нам в милосердии Бога. «Нам надо научиться так поступать по отношению к другим, как мы желаем, чтобы Бог поступал по отношению к нам»²⁴.

²¹ *Bishop William. The Comprehensive Rule of Righteousness, Do as You Would Be Done By. Cornhill (England), 1679. P. 33 (Цит по: Wattles J. Op. cit. P. 79).*

²² *William. Op. cit. P. 53 (Цит. по: Wattles J. Op. cit.).*

²³ Вот стихи, предшествующие в Нагорной проповеди тому, в котором формулируется золотое правило: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею?» (Мф. 7, 7–10).

²⁴ *William. Op. cit. P. 67.*

При том, что в целом золотое правило совмещается с заповедью любви, Уильям делает замечания, указывающие и на понимание им различия между этими двумя принципами. Заповедь любви к ближнему есть «душа и жизнь» золотого правила, а смысл любви к ближнему Уильям раскрывает на основе аристотелевских разъяснений относительно дружбы, данных в «Риторике»: желать того другим, что мы бескорыстно почитаем за благо, и стремиться к этому всеми своими силами²⁵. Человеку свойственно себялюбие, но истинное себялюбие несовместимо с грехом и потаканием плоти, ведь человек, к которому апеллирует золотое правило, это не плоть с ее страстями, человек — это ум, душа и дух.

Как таковое золотое правило, указывал Уильям, следует отличать от других близких и внешне похожих на него правил, например, «Во всем поступай по отношению к другим так, как они поступали бы по отношению к себе» или «Все, что ты желаешь, делай другим». Если первая максима нередко упоминается в литературе по золотому правилу как его ложно-превращенная форма, то вторая — практически не упоминается, очевидно, в силу своего почти полного созвучия самому золотому правилу. Однако выделение этих максим в качестве «перевертышей» золотого правила заслуживает внимания, поскольку важно не только в нормативно-этическом, но и этико-философском отношении. Золотое правило не просто указывает на стандарт поведения, оно еще и тесно увязывает этот стандарт с взаимными отношениями людей. В утверждении взаимности золотое правило универсализирует этот стандарт, возвышая его над индивидуальными желаниями. Первая превратная максима, на самом деле, позволяет потакать желаниям других, вторая — абсолютизировать собственные желания. Золотое правило фактически утверждает желания одного как ограничение желаний другого и наоборот.

Следует отметить и то, что Уильям подчеркивает отличие золотого правила от принципа возмездия, ссылаясь на многочисленные высказывания, указывающие на недопустимость мести: стремящийся к справедливости должен следить за тем, чтобы действовать в соответствии с законом.

²⁵ *William*. Op. cit. P. 54. Ср.: *Аристотель*. Риторика, 1380b, 35 // *Античные риторика*. М., 1980. С. 78–79.

Интересно рассуждение Уильяма о золотом правиле, раскрывающее соотношение положительной и отрицательной его версий. Для него они сплетены, предполагая друг друга: «Любое повеление совершения добра одновременно является запрещением как отрицания этого добра, так и противостоящего ему зла»²⁶.

Обсуждая золотое правило, Уильям развивает три частных рассмотрения, демонстрирующих обоснованность золотого правила. Первое касается способности человека адекватно воспринимать желания других. Эта способность обусловлена, по Уильяму, тем, что люди — братья и дети одного Отца, несущие в себе его божественный образ; Бог вложил в людей одинаковые сердца, и все люди равны по природе, а христиане — по благодати. Второе рассмотрение посвящено переменчивости в человеческих ролях. Каждый человек подвержен переменам, обусловленным непостоянством мира. Но каждый меняет роли, еще и просто идя по жизни: каждый родитель был ребенком, каждый ребенок может стать родителем. Но перемены возможны и в силу способности человека ставить себя на место другого и другого ставить на место самого себя; золотое правило требует адаптивности в отношениях и воображаемой взаимной подстановки: «мы должны представить другого человека в наших обстоятельствах, в нашем положении, на нашем месте и наоборот»²⁷. Наконец, третье рассмотрение связано с принципом воздаяния: мы пожинаем то, что сеем, получая по заслугам от людей и от Бога.

Благодаря золотому правилу в человеке укрепляются и развиваются добродетели; оно призвано удерживать человека от чрезмерного себялюбия и нарушения конкретных требований порядка, справедливости и милосердия, от лицемерия и, наоборот, способствовать вдумчивости, размышлениям о смысле жизни, твердости воли, следующей наставлениям правильного разума и истинной религии в стремлении к вещам, действительно благим и требующим совершения. Более того, все добродетели могут быть выведены из этого правила. Разбирая различные добродетели и соответствующие им пороки, Уильям по-

²⁶ William. Op. cit. P. 57.

²⁷ Ibid. P. 61 (Цит. по: *Wattles J.* Op. cit).

казывает, что из самого описания добродетели и порока с очевидностью вытекает, что добродетель — это то, что мы желаем в отношении себя, а порок — то, что мы себе не желаем. Мы желаем искренности, но не лицемерия, скромности, но не гордыни, невинности, но не разврата, мы готовы возместить вред от своих неправильных действий, и хотели бы избежать злословия относительно себя и грубости в отношении себя. Из золотого правила, по Уильяму, следуют и подобающее послушание и подчинение всем тем, кто возвышается над нами, как и положительные поступки справедливости, любви и милосердия в отношении других, включая жалость, сочувствие, симпатию, дружеские чувства по отношению к страдающим и потерпевшим беду, сорадование, прощение обид, милосивость, доброжелательность, молитвенное попечение и содействие чужому благу²⁸.

Дж. Борастон в рассуждениях о золотом правиле апеллирует к гармонии естественных понятий и религии откровения, оппонировав Т. Гоббсу с его идеями естественного состояния человека и деистам, обоснованно отказывавшимся от идеи религии откровения. Золотое правило, по Борастону, это одно из естественных понятий, которое присуще нашей конституции. Оно понятно и просто, поэтому и взрослые, и дети прибегают к нему при устройстве своих отношений с другими. Поскольку человеческий разум неустойчив и склонен к блужданию, ему необходимо твердое и прозрачное руководство, которое в краткой форме предоставило бы человеку суть его обязанностей. Таково золотое правило, которое Борастон представляет следующим образом: «Наши обычные и хорошо организованные желания относительно того, что бы мы хотели, чтобы другие люди делали или не делали нам, представляют собой достаточное руководство и наставление в том, что в подобных случаях мы должны делать или не делать по отношению к ним»²⁹. Каждый, говорит Борастон, стремится к самосохранению и благополучию — и это хорошая основа для справедливого и мило-

²⁸ *William*. Op. cit. P. 212 (Цит. по: *Wattles J.* Op. cit. P. 81). Уотлз отмечает, что именно на стр. 212 Уильям употребляет выражение «золотое правило», и это, по всей видимости, наиболее раннее упоминание этого термина по отношению к морали (*Wattles J.* Op. cit. P. 212).

²⁹ *Boraston G.* The Royal Law, or the Golden Rule of Justice and Charity. L., 1684. P. 4.

сердного отношения к другим людям, поскольку золотое правило обязывает нас относиться к другим так, как если бы мы поменялись лицами и обстоятельствами, представив себя на их месте, а их — на своем. Золотое правило устанавливает единый стандарт для отношения ко всем людям — так же, как Иисус вел себя ровно добродетельно со всеми.

Рассматривая золотое правило в целом в связи с симметричными отношениями, Борастон, вместе с тем, расширяет смысловой контекст золотого правила, примеряя его к асимметричным отношениям. Так, когда мы имеем дело с политической властью, «нам следует подчиняться вышестоящим с такой же добровольной покорностью, какую мы ожидаем от наших детей и слуг в их послушании нам»³⁰. Такой поворот в рассуждениях о золотом правиле, конечно, интересен. Западная традиция в осмыслении золотого правила сориентирована главным образом на отношения равных, и христианство с его идеями о братстве людей в Боге лишь укрепило и усилило эту ориентацию. Приведенное высказывание Борастона можно было бы посчитать за перевод из Конфуция, настолько она созвучна именно конфуцианскому пониманию золотого правила. Аналогичные высказывания встречаются у Эпиктета и Сенеки³¹, и, хотя они не получили особенного развития в европейской мысли, наверное, именно они послужили в данном случае источником для Борастона.

Книжка Дж.Гудмана, как и работы других, представленных выше проповедников, интересна тем, что золотое правило в ней не просто цитируется или упоминается, но по-новому пересказывается, и в пересказе дается его своеобразная интерпретация. На золотом правиле, говорит Гудман, покоится моя обязанность делать (или, соответственно, не делать) ближнему то, что, как я думаю — мысленно меняясь местами с другим и прислушиваясь к своему сердцу и к своей совести, — он, будучи в подобной ситуа-

³⁰ Boraston G. Op. cit. P. 21 (Цит. по: *Wattles J.* Op. cit.).

³¹ См.: *Сенека Л.А.* Письма к Луциллию, 47,11. Кемерово, 1996. С. 92; *Эпиктет.* Афоризмы // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1998. С. 327.

³² *Goodman J.* The Golden Rule, or The Royal Law of Equity Explained. L., 1688. P. 26.

ции, с необходимостью сделал (или не сделал) бы мне³². Это правило действует независимо от социальных и индивидуальных различий между людьми, оно обязывает как князя, так и частное лицо, оно актуально в отношениях между гражданами разных государств и представителями разных религий, поскольку, как научил нас Спаситель, ко всем людям без исключения мы должны относиться как к ближним своим. В то же время золотое правило не может быть принципом отношения человека к Богу, поскольку Бог — бесконечен, и в человеке нет ничего, что могло бы быть мерой для его отношения к Богу. Если говорить на языке заповеди любви, Бога мы должны любить больше, чем себя любим.

Золотое правило — это именно естественный закон, и им не исчерпывается весь долг человека, иначе не нужна была бы Библия, а язычник, имея в душе своей «свет природы», обладал бы всей той полнотой, которая предполагается благодатью. Золотое правило устанавливает меру во взаимоотношениях человека, ограничивая притязания страдающих недостатком честности и чувства справедливости людей (Гудман приводит примеры пьяницы, сладострастника, ловкого воришки, а так же тех, кто хочет несправедливо прибрать к рукам чужую собственность или перекроить под себя законы) поживиться за счет других.

Свое представление золотого правила Гудман завершает обозрением пороков, указывая читателю, что поскольку тот не хочет, чтобы по отношению к нему совершалось нечто подобное, и он сам не должен позволять себе это в отношении к другим.

III

Соединение выражения «золотое правило» с классической фигурой нормативного мышления и вхождение этого выражения на правах термина в этико-дискурсивный оборот стало важным этапом в развитии морально-этической рефлексии, который, впрочем, можно и не преувеличивать: он не более важен, чем любое наречение имени. Однако не случайно, что именно терминологическое оформление известного стиха Мф. 7, 12 совпало с углублением специального размышления о его содержании. Нельзя сказать, что, будучи использованным в трудах

проповедников, оно сразу же было принято философами. С.Кларк, Дж.Локк, Г.В.Лейбниц, Ф.Хатчесон, Д.Юм, А.Смит, И.Г.Гердер, И.Кант – никто из этих философов, больше или меньше заинтересованных в моральной проблематике, не обошел тему золотого правила, но, кажется, никто из них и не употребил этого термина. Иными словами, на протяжении более чем столетия после освоения этого термина в проповеднической литературе он оставался непризнанным в «строгой» моральной философии. Тема ассимиляции термина «золотое правило» философской этикой еще ждет своего исследования.

В заключение же этого очерка установим место события появления этического термина «золотое правило» в общей исторической динамике нормативной формы «Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе».

Что это за нормативная форма? 1. В ней устанавливается определенный принцип *отношения человека к другим людям*. 2. Человек предполагается *активным агентом, инициативно действующим* в отношении других. 3. Человеку, тем самым, вменяется *ответственность* за складывающиеся отношения. 4. Отношения человека к другим предполагаются *обращаемыми*, строятся по принципу взаимности, в том числе генерализированной взаимности (реализуемой через третьих лиц). 5. По внутреннему смыслу и в тенденции развития самой формулы (от частной негативной максимы к универсализуемому приоритетному принципу положительного действия) она предполагается надперсональной и в этом смысле универсальной. По этим признакам золотое правило имеет общие черты и отличия в сравнении как с талионом, так и с заповедью любви. Эти черты в своей совокупности задают определенную матрицу нормативного мышления. Имея это в виду, Р.Хэар, а вслед за ним и другие авторы, в том числе Уотлз, говорят об аргументации *по типу* золотого правила³³. Если рассматривать названные черты как определенного рода нормативные идеи, то можно говорить об «*идеологии*» золо-

³³ См.: Hare R. M. Freedom and Reason. Oxford, 1963. P. 86–111; *Он же*. Abortion and the Golden Rule // Philosophy and Public Affairs. 1975. Vol. 4, № 3 (Spring). P. 201–222.

того правила, имея в виду, что в более или менее полной форме она проявляется в нарративах и предписаниях, прямо и не содержащих элементов, известных нам по золотому правилу. В качестве примера можно привести знаменитую притчу о жестокосердном рабе³⁴, которая, несомненно, представляет собой сюжетную экспликацию негативной версии золотого правила. Именно на ее материале Р.Хэар проводит анализ универсализуемости моральных требований в книге «Свобода и разум».

Однако золотое правило — это не только нормативная форма. Хотя она, в самом деле, не имеет непосредственных содержательных разъяснений, она всегда высказывалась в совершенно определенных, с нравственной точки зрения, контекстах. Не исключено, что в той мере, в какой получала она распространение, появлялись и ее первертивные истолкования, о чем свидетельствует уже Августин. Однако только в Новое время, в рационалистической философии появляются критические высказывания в адрес золотого правила, сделанные не на фоне нигилистического этического мировоззрения. В памятниках древней литературы, включая священные писания разных традиций, золотое правило проговаривается исключительно в положительном нравственном контексте. Заслуживает внимание замечание П.Рикёра о том, что вне определенного императивно-ценностного контекста, а именно, того который нам известен по Новому Завету, нам не понять его действительного содержания³⁵. Как я уже говорил на этот счет в другой своей работе, действительное этическое содержание золотому правилу как правилу нравственности придает контекст, не только экзегетический, но и нормативно-этический, и этико-философский³⁶.

Зная золотое правило в его развитой и этически рационализированной форме, мы можем реконструировать его исторические прототипы, ранние формы и их историческую динамику по степени их приближения к классическому выражению золотого правила, достигаемому, как выше было показано, в Мф. 7, 12.

³⁴ Мф. 18, 23–43.

³⁵ Ricoeur P. The Golden Rule: Exegetical and Theological Perplexities // *New Testament Studies*. 1990. Vol. 36. P. 393.

³⁶ Апресян П.Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // *Вопр. философии*. 2001. № 3. С. 77.

В развитии золотого правила можно выделить некоторый подготовительный этап, который выражается в наставлениях или сентенциях, указывающих на необходимость невреждения, (доброжелательной) взаимности (т.е. отличной от взаимности талиона), (доброжелательной) инициативности, возвышением над индивидуальной пристрастностью³⁷.

Эти идеи, формирующиеся отдельно, в какой-то момент обобщаются, получая выражение в формуле золотого правила, первоначально и повсеместно в его негативной версии. Это правило обычно высказывается в ряду других наставлений, порой весьма конкретных, и даже выделяясь среди других своей обобщенностью, никак не акцентируется высказывающими его мудрецами³⁸.

Следующий важный этап — выделение золотого правила в ряду прочих. Нам не известны тексты, в которых золотое правило высказывалось бы как одно из нескольких важных обобщающих правил, хотя логично было бы предположить наличие и такой стадии в развитии нормативного сознания. Известны два текста, в которых формула золотого правила высказывается в ответ на вопрос о первейшем законе. Именно этой формулой отвечают на такой вопрос Конфуций (552—479 до н.э.) и Гиллель. Христос в ответ на вопрос о первейшей заповеди указывает не на золотое правило, а на заповедь любви, но при этом нормативно золотое правило сопредельно заповеди любви — лишь эти две формулы подтверждаются им особенным образом: «В этом закон и пророки». В то же время, в контексте Нагорной проповеди золотое правило формулируется как обобщение заповедей о человеческих отношениях (Мф. 6, 21—7, 11), а не всех высказанных наставлений³⁹.

³⁷ Чрезвычайно характерной в этом отношении представляется нормативная составляющая знаменитого эпизода из книги XXIV «Илиады» (VIII в. до н.э.), в котором убитый горем Приам обращается с мольбой к Ахиллу с просьбой вернуть тело павшего в бою Гектора, и Ахилл не снисходительно, но милосердно идет навстречу Приаму.

³⁸ Типичными здесь являются наставления Ахикара и Товита, представленные, соответственно, в «Книге Ахикара» и «Книге Товита». Я исхожу из того, что мы имеем дело с аутентичными текстами, и формула золотого правила, звучащая в этих книгах, не является результатом поздних вставок.

³⁹ О золотом правиле в контексте Нагорной проповеди см.: *Allison D. C., Jr. The Structure of the Sermon on the Mount // J. of Biblical Literature. 1987 (September). Vol. 106. №. 3. P. 423—445.*

Само по себе указание на золотое правило в качестве главного свидетельствует о его достаточной рефлексированности, но лишь на этико-нормативном уровне. Наиболее полно в древних текстах золотое правило рефлексивируется у Конфуция и его учеников, причем не только этико-нормативно, но и «метанормативно», в параллельных высказываниях о том, что формула золотого правила воплощает в себе *чжун*-преданность [государю] и *шу*-заботу [о людях], и эти идеи пронизывают все его учение «единой нитью»⁴⁰. Удивительно, насколько далеко в этическом освоении золотого правила ушла конфуцианская мысль по сравнению с античной и иудейской, в том числе талмудически-иудейской. Пожалуй, лишь с Августина характер и уровень осмысления золотого правила в западной мысли достигает конфуцианства и даже превосходит его. Высокий уровень рефлексии здесь определяется осмыслением не только этического, но и онтологического и антропологического содержания золотого правила.

Введение имени — «золотое правило» — для известной этической формулы, причем имени, по смыслу своему беспрецедентно превозносящему это правило, стало результатом углубленного его освоения плеядой религиозных и философских мыслителей, во многом сконцентрированных на социальной проблематике — от Лютера до Гоббса.

История золотого правила на этом не останавливается. Еще предстоит, как говорилось, понять, что происходит с этим концептом в философской мысли Нового времени. Очевидно, что в философии XVII—XVIII вв. доминирует критическая рефлексия в отношении золотого правила, хотя и не всегда негативно-критическая. С понятием «золотое правило» происходит история, близкая понятию «любовь». В новоевропейской мысли и оно оказывается предметом критического внимания. И как любовь реабилитируется в качестве философского концепта в XIX в., так и золотое правило постепенно становится предметом специальных теоретических разработок.

⁴⁰ См.: Лунь Юй 4:15 // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и коммент.; Отв. ред. Л.С.Переломов. М., 2004. С. 171. Подробнее см.: *Fingarette H. Following the 'One Thread' of the Analects // J. of the American Academy of Religion. 1980. Vol. 47/S (September). P. 373–405.*